

Невинная девушка с мешком золота

Автор:

Михаил Успенский

Невинная девушка с мешком золота

Михаил Успенский

Когда царь молодой и неопытный, за ним нужен глаз да глаз. А то случится как в одном знаменитом отечественном царстве. В полудипломатическом разговоре с употреблением алкоголя зелёный ещё самодержец возьми и похвастайся перед коварным иноземным владыкой, что в его царстве такой порядок и благолепие, что даже невинной девушке ничего не стоит пронести мешок золота через всю страну до самого Рима. Похвалиться-то он похвалился, но зачем же было спорить на всё царство, что просто доказать на деле? Пришлось девицу соответствующей сноровки найти и проход ей обеспечить, да ещё под неусыпным оком международных наблюдателей...

Михаил Успенский

Невинная девушка с мешком золота

Передайте вашей невесте, что она подлец!

Николай Гоголь

Конклав избрал нового папу, но – ужасное происшествие! – новоиспечённый папа тут же шмыгнул в камин, и римляне увидели, как он пролетел над Ватиканом, пользуясь крыльями, напоминающими самолётные!

Мишель де Гельдерод

Стойте, братья, расскажу вам чудо,
О каком не слыхано ни разу:
Будто где-то в нашем Божьем мире,
За шесть дней Всевышним сотворенном
Есть иной – невидим он, неслышим,
Рядом он – а не дойти и за год,
Близко он – а пулей не дострелишь.
Населяют эту как бы землю
Как бы люди, нам во всём подобны.
Пьют, едят, работают, воюют,
Пляшут, плачут, пашут и воруют,
Меж собою делятся, как мы же —
Есть там франки, швабы и мадьяры,
Сербы и проклятые хорваты,
Русские братушки и татары,
Сарацины и моавитяне.
Есть у них и Рим – да ведь без Рима
Никакого мира не бывает.
Только христианские народы
Там не знают имени Христова.
А султан, владыка всех неверных,
Слыхом не слыхал про Магомета.
Видно, оттого у них на небе
Нету звёзд – лишь солнышко с луною

Правда, солнце ходит по-иному.

А луна ущерба там не знает.

(Вот вам, турки, чёртов полумесяц!)

И уж коли сыщется меж нами

Доблестный юнак, что пожелает

Самолично диво то увидеть,

Так трудна ему дорога ляжет:

Путь держать всегда от солнца вправо,

От луны же – влево непременно.

Без проводника крутись, как можешь!

А с меня за слово не взыщите,

Ложью попрекнуть и не пытайтесь:

Мне о том сам Боскович поведал,

А уж он-то знает всё на свете!

Мимица Обрадович из Вуковара

Глава 1

– Великая Тартария по всей своей совокупности разделяется на три части. В одной из них живут мунгалы, в другой – ниппонцы, в третьей – те племена, которые на их собственном языке называются ерусланцами, а на нашем – тартарами. Тартаров отделяет от ниппонцев река Данаида, а от мунгалов – Тигр и Евфрат. Самые храбрые из них мунгалы, так как они живут дальше всех других от Провинции с её культурной и просвещённой жизнью; кроме того, у них редко бывают купцы, особенно с теми вещами, которые влекут за собой изнеженность духа...

«Ну вот, – подумал молодой дворянин Лука Радищев. – Снова-заново. Дошли наконец до „Слова о полку Кесаревом, Кесаря Александровича“. Опять слушать эти позорные римские придумки – как нас Кесарь бил, а мы от него бегали. Хотя все знают, что всё было как раз наоборот. И нынче мы их бьём, и раньше били. И никакие мы не тартары и не мунгалы, не говоря уже об ниппонцах. Может, и народа такого нет – ниппонцы. Кто их видел? И рек таких нет, чтобы звались Тигр и Евфрат, а есть реки Потудань и Посюдань, и даже не реки, а одна река... Ох, напрасно меня батюшка в эту Церковно-Приходскую Академию отдал... Скорей бы уж Большая Перемена...»

Как видно, мысли Радищева попали как раз в ухо Тому, Кто Всегда Думает О Нас. Во всех многочисленных церквях стольного града Солнцедара ударили колокола, а флюгеры на их куполах разом повернулись в другую сторону.

– Большая Перемена! Большая Перемена! – тревожно загудели студенты. Лектор, отец Гордоний, побледнел, отшвырнул проклятую отныне и до следующей Большой Перемены книгу в дальний угол, достал из-под кафедры чёрную рясу, натянул её поверх светского кафтана, потом ещё раз нырнул под кафедру и обрёл там совсем другую книгу – не какие-нибудь там римские придумки, а «Повесть временного содержания» – исконную и подлинно ерусланскую летопись. Повесть носила такое название потому, что содержание её постоянно менялось по требованию очередного государя.

Студенты, которым от этого часа и до следующей Большой Перемены надлежало именоваться учениками, терпеливо наблюдали за делами отца Гордония. Многие из них учились тут чуть не по десятку лет и пережили не одну Большую Перемену вполне благополучно, поскольку всё ещё числились в недорослях.

Отец Гордоний самым тщательным образом приклеил полагающуюся по его нынешнему чину наставника бороду, потом усы. Усы были чёрные, а борода – рыжая. Но смеяться никто не стал: уж ГЛАВА Академии, отец Мортирий, с него спросит за путаницу!

– Итак, на котором месте мы остановились? – как ни в чём не бывало спросил отец Гордоний и раскрыл «Повесть» на первой странице. – Отроки! Друзья мои! Счастлив тот, кто знает буквы, которыми эта книга написана; ещё счастливее тот, кто их складывать может; счастливее же всех тот, кто умеет читать эту книгу. Из неё мы узнаем, откуда есть пошла земля Ерусланская...

«Поспать бы, – зевнул про себя Лука. – Перемена-то Перемена, а всё одно да-потому... И когда это кончится? И почему, как ни назови нашу землю – хоть Великая Тартария, хоть Гиперборея, хоть Многоборье, хоть Поскония, хоть город Глупов, хоть город Градов, – всяк в ней без труда узнает Ерусланию? Это просто чудо какое-то... Вон аглицкий сэр Томас Мор, так тот даже „Московией“ нас навеличил и черты идеального государства той Московии придал...»

– ...Земля наша велика и обильна, а ни наряда, ни ордера на неё нет! Всех живых князей мы уже перепробовали, осталось к усопшим обратиться. И обратились. И вот восстали из глубины земной три брата, три весёлых мертвеца: Жмурик, Трупер и Синеуст. У каждого из братьев один глаз глядел на нас, а другой – в Арзамас. Это ли не знамение! От старшего и пошёл род царский, Жмуриковичами именуемый...

Между прочим, и сам юный Лука Радищев был маленько Жмурикович, но род их захирел, глаза смотрели как положено, и злобные соседи хихикали над Радищевыми: «Были в гербе три тетери, и те улетели!»

Лука с тоской вспомнил старика-отца – вот он, высохший, облысевший, но всё ещё по-военному стройный, идёт по аллее захудалого их поместья – положить букетик первых сизых подснежников на могилку маменьки, а совсем юный ещё Лука едва за ним, за строевым его шагом, попевает.

Папенька роняет слезу на серый гранит плиты и в который раз говорит сыну:

– Мир наш, Лука, сходен с толстой премудрою книгою в дорогом переплётё. Но из книги этой вырвано множество страниц – возможно, самых важных и всеобъясняющих. И долг всякого истинно благородного человека – искать эти страницы, хотя бы понадобилось для этого потратить ему всю жизнь и обойти всю землю...

– Я обойду, папенька, я найду, – торопливо обещает Лука. – Хотите, я поклянусь хоть памятью маменькиной, хоть Тем, Кто Всегда Думает О Нас...

– Не надо! – отвечает отец. – Ибо сказано: «А Я вам говорю, не клянитесь вовсе...» Как же там дальше? О, проклятье! Лучше уж вовсе ничего не помнить, чем так... По обрывкам строк...

– Всё равно обойду всю землю! – упрямо говорит Лука.

Оттого-то и попробовал юный дворянин в своё время сбежать и сделаться вольным мореплавателем. Сбежать-то сбежал, а на корабль его не взяли, потому что в морском деле соображать надо. На первый вопрос капитана: «Вы, матросы-моряки, где же ваши снасти?» он ответил бойко и даже блестяще, а вот показать, где среди этих снастей находится ёксель-моксель, так и не сумел. На этот вопрос не всякий боцман может ответить. Так и не достиг парень высшего флотского звания «Моряк, красивый сам собою». Вот и приходится теперь полировать лавку, и конца этому не видно, поскольку ни один курс не удаётся завершить из-за этих вот Больших Перемен, которые нынче становятся всё чаще и чаще...

Радищев вздохнул и произнёс про себя Единую и Единственную Молитву:

«О Ты, Кто Всегда Думает О Нас, подумай как следует!»

Не помогло.

Данила оглядел учебное зало. Ученики, недавние студенты, зевали в открытую, иные и спали. Куприян Волобуев даже похрапывал. Арап Тиритомба переводил с разрешенной покуда латыни басню великого Батилла «Енот и Блудница», шевеля губами и ехидно улыбаясь – видно, переклад ему удавался. Неразлучные братушки Редко Редич и Хворимир Супница на последней лавке, неведомо почему именуемой «Камчатка», играли в кости. Гордые шляхтичи Яцек Тремба и Недослав Недашковский с помощью зеркала любовались своими усами, хотя усишки-то были так себе. Мечтатель-хохол Грыцько Половынка бессмысленно разглядывал висящее на стене изображение Папы-Богородца: величественный старец со вселенской тоской во взоре держал на руках маленького Цезаря-Сына, а Внук Святой в виде белой и мохнатой летучей мыши осенял их своими крылами. Картину нарочно подвешивали повыше – иначе лихие ученики-студенты непременно подписывали и подрисовывали углем, как и чем именно должен Богородец кормить своего божественного младенца. Но тут прибежали школьные служки и с помощью длинной палки с крюком картину сняли и уволокли с глаз подальше – до следующей Большой Перемены, когда они снова станут студентами, а флюгарки на куполах церковных повернутся в сторону Рима.

На учёбу в Церковно-Приходскую Академию принимали без различия племён – лишь бы присягнули Единой Ерусланской Анакефальной Церкви и отреклись от Рима. Шляхтичи уже сколько раз отрекались, а всё равно тайком молились по-своему в кельях, а когда после Большой Перемены назначался Левый Галс, то и открыто, ввиду временной свободы. Но сейчас-то начался Правый Галс...

– Радищев! К тебе обращаюсь! Третий раз уже! – рявкнул отец Гордоний.

Лука вскочил и стряхнул полудрёму.

– Я!

– Шомпол от ружья! Что сказал великий Жмурик братьям своим, требующим от него доли собственной в земле Ерусланской?

– Э... О... А! Вспомнил! Он сказал: «Это моё! А и то моё же! И то! И то! И даже вон то – всё равно моё!» И пошли Трупер и Синеуст от него, плача и не утирая слёз и возгрей из носу...

– Верно... Скользкий ты, Радищев, никак тебя не поймаешь... Волобуев!
Волобуев!

– Я!

– Древко от копья! Куда пошли плачущие братья Жмуриковы?

– Дык... Дык... Известно куда!

И спросонья сказал куда именно.

– Вот полста горячих тебе! – обрадовался отец Гордоний. – Чтобы помнил! А пошли они в трактир... тьфу ты! В кружало они пошли пьянственное, что возвёл им на утешение милостивый старший брат, и обрели там веселие великое...

Тут на ученика Луку накатило – совсем как в тот раз, когда он наладился было в мореплаватели.

Нет, ещё сильнее накатило – он ведь постарше стал.

– Довольно! – вскричал он могучим басом. – Так мы здесь всю юность свою невозвратную проведём! Братья Жмуриковы уж на что в сырой земле протрезвели, и те туда пошли, а нам и подавно пора! В кружало, друзья!

И поднялся тут студенческий бунт, неременный спутник всякой Большой Перемены.

Напрасно отец Гордоний увещевал бунтовщиков и хватал их за полы форменных синих кафтанов. Полетели в него перья и чернильницы, украсились мгновенно стены зала хулительными надписями и запрещёнными знаками. Куприян Волобуев лавку сломал, неразлучники Редко Редич и Хворимир Супница затянули бунташную майскую песню, Яцек Тремба всех рубил воображаемой саблей, а мелочь пузатая старалась не отстать от старших товарищей.

Ближайшее заведение и старейшее в столице именовалось, конечно, «Два весёлых мертвеца», потому что Жмурик в своё время за братьями не последовал, страхась потерять по пьянке только что завоёванный царский престол.

Глава 2

Народы мира – что дети малые. По отдельности вроде все соображают, а как обретут национальное самосознание, всякая рассудительность из них улетучивается – так много места это сознание занимает.

Любому ребёнку непременно хочется прибавить себе лет, чтобы побыстрее вырасти. Он то отцову шапку напялит, то в батюшкины сапоги по самые уши залезет, то папины награды на грудь нацепит.

То же самое и народ: всякий норовит свою древность доказать перед другими.

Ну, со временем-то это проходит.

Когда объявили весёлого мертвеца Жмурика царём, он сразу же начал строить свою древнюю столицу Солнцедар.

Возведена она была в неслыханные сроки – за один день и одну бедственную ночь.

Правда, после длительной подготовки.

Сперва собрали всех, какие были в Еруслании, гончаров – даже тех, что умели только свистульки детские лепить.

Землепашцам приказали снести и свезти в будущую столицу все дрова, что на зиму заготовили.

Остальным приказали глину копать, благо было её много – и белой, и бурой, и синей, и всякой.

Гончары понимали всю зрящность задуманного, но царской воле перечить не смели.

Землепашцы тоже знали, что зимой придётся в кулак свистеть, но поленницы свои разорили.

Кое-как, используя ивовые прутья для устойчивости, слепили и царский дворец, и тюремную башню, и храмы, и гостиные двory – жильё для людей только не успели.

А потом обложили всё это изнутри и снаружи дровами и подожгли. Дрова горели всю ночь.

Столица получилась такая древняя, что казалась много старше самой матери сырой земли. Во всяком случае – возведённой ещё до сотворения человека, это уж точно. Никто теперь не посмеет назвать ерусланцев молодым народом.

Для верности на городских воротах вывели надпись:

ПУТНИК, ЧИТАЮЩИЙ ЭТИ ЗНАКИ!

ЗНАЙ, ЧТО НАЧЕРТАНЫ ОНИ

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ НАЗАД,

И НИ ДНЁМ РАНЬШЕ!

Иноземцев это впечатляло. Руины Солнцедара даже объявили одним из семи чудес света.

Правда, жить там не было никакой возможности. Ну, потом-то кое-как устроились. В царском дворце принимали иностранных послов – уж больно приятно было смотреть, как они, согнувшись в три погибели, пытаются пролезть в тронную залу. Да ещё тюремная башня использовалась по назначению.

Когда царя Жмурика наконец-то прихлопнуло куском рухнувшей дворцовой стены, его похоронили не в обычной могиле и не в каменном склепе, а в огромной яме, которая осталась после добычи глины. И завалили гроб не землёй, а тяжёлыми камнями, чтобы никогда больше не вылез весёлый мертвец. Для верности туда же кинули и братцев Трупера и Синеуста. Всё-таки ерусланцы малость повзрослели.

Детей же у Жмурика, даром что мертвец, было великое множество, так что династия основалась.

Одно плохо – не было в Еруслании настоящей веры. «Повесть временного содержания» злостно умалчивала о том, откуда взялись ерусланцы в здешних местах и чем занимались раньше, до призыва мёртвых князей.

Но люди-то кое-что помнили. Не всё, к сожалению, но кое-что. Помнили, как долгие годы скитались они по тёмному лесу в блаженном беспамятстве и бездумье. А может, и не годы – время-то считать вовсе не умели. Что было причиной ухода в лес, каждый толковал по-своему. То ли степняки бешеным набегом загнали туда народ, то ли мор какой нашёл на страну. Да и не поощрялись такие воспоминания, а учёные люди утверждали, что тёмный лес – это всего лишь символ и аллегория проклятого язычества, которое уже давным-

давно отвергли.

Язычество отвергли, а истинную веру забыли. Помнили, как надо возводить церкви и соборы, а что рисовать на стенах и потолках, не знали. Помнили, как отливать звонкие, на весь мир, колокола, а в какое время следует звонить, сказать затруднялись. Помнили, как складываются затейливые купола, а чем их венчать, не ведали. Помнили, как надлежит одеваться особам священного сана, а как вести службу – увы. Выбрали священников из самых долгобородых, а они всё никак не могли между собой выбрать главного: время от времени кто-нибудь из них объявлял себя Владыкою, но его быстро посрамляли за незнание службы (как будто сами-то знали!) и выгоняли вон, норовя при этом повредить бороду. Потому-то проклятые ватиканцы-еретики и обозвали Ерусланскую Церковь Анакефальной, сиречь безголовой.

Ходили, правда, слухи, что должны непременно явиться учителя из Царьграда со всеми богослужебными книгами, утварью и божественными изображениями, что иконами зовутся. Но учителя всё не шли и не шли, да и на месте, где по всем соображениям должен был находиться Царьград, торчал, как чирей посередь ягодицы, город Истанбул – самая что ни есть басурманская столица, откуда ничего хорошего ждать не приходилось.

Конечно, Великое Беспамятство коснулось не одних ерусланцев, а всего мира. Но в Риме, на счастье фряжинам и другим немцам, Папа-Богородец Александр взял и под руководством Внука Святого нечувствительно родил сына Цезаря, Спасителя-Искупителя, Господа Живого.

Втроём-то дело у них пошло бойко: живо появилась священная книга «Хочу всё знать», где в самой простой и доступной форме жили ответы на все вопросы. Весьма кстати приспело и книгопечатание.

А говорилось в той книге, что до Великого Беспамятства все народы пребывали в глупости и ереси, не понимая, зачем и для чего живут, строили какие-то бессмысленные сооружения, поклонялись Нечистому в виде голубя, мня его священной Птицей Мира. Но какая, скажите, птица гадит больше и чаще голубя, причём норовит попасть человеку на голову? Разве что чайка. Но та хотя бы предупреждает людей противным криком (звуки печали и тоски всегда односложны и пронзительны), а коварный голубь воркует-воркует умиротворительно, а потом раз – и беги полоскать волосню, замывать птичье дерьмо с шапки или кафтана.

Но здесь придётся рассказ наш о верах ложных и истинных прервать, поскольку вырвавшиеся на волю студенты сильно торопятся выпить, а уж это такое дело, что святее не бывает.

Глава 3

В «Два весёлых мертвеца» компанию не пустили за прежние долги.

Кружало, приютившее юношей из Академии, называлось «У семи нянек Джона Сильвера», и на вывеске его изображена была небритая харя морского разбойника с перевязанным левым глазом, хотя у настоящего Сильвера, как известно, отсутствовала только одна нога. Вывеску эту не трогали и во время Правого Галса, поскольку англичан считали если не единоверцами, то почти союзниками, особенно при последнем государе. С островитянами, не пошедшими на поклон к Ватикану, охотно и широко торговали мёдом, салом, лесом, пенькой и телогрейками. Последние пользовались на Туманном Острове особым спросом.

По причине охоты на ведьм (перенятой, кстати, у Рима) добросовестные сыны Альбиона пережгли на золу почти всех красавиц, оставив на развод таких уж крокодилий, зачинать детей с которыми возможно было, лишь накинув на лицо жены или подруги телогрейку. (Вообще всякому чувствительному человеку при виде дщери Альбиона остро и жгуче первым делом хочется задать ей овса.) Никакой другой вид одежды для щепетильного Лондона почему-то не годился, а ерусаланские телогрейки-стёганки были в самый раз.

– Здравствуй многие веки, Ванька Серебряный! – шутовски поклонились студенты вывеске и, галдя, вошли в кружало.

По воле нынешнего государя Патифона Финадеича всем было велено искренне увлечься морским делом (недаром и Лука-то наш бегал в матросы), поэтому питейное заведение украсили и обставили соответственно: на стойке целовальника (почему хозяина кружала так называют, тоже забыли и не знали, что именно он должен целовать и кому) водружён был громадный корабельный штурвал, по стенкам развешаны разные водяные диковины. В виде чучел,

вестимо. Был тут и Морской Волк, и Морская Душа – всегда молодая, и смертоносная Морская Пехота, и рыба – двуручная пила, и рыба-клюшка, и рыба-пчела, и даже настоящая русалка-кригсмарина, вооружённая медной пушечкой.

И корабельный колокол висел над головой целовальника – тот начинал бить в него, если среди посетителей затевался мордобой. Столы и скамьи в кружале были намертво привинчены к полу, как положено на корабле на случай шторма, поэтому драться приходилось склянками из-под рома и джина (так здесь именовали любой напиток). Отсюда и пошло выражение «бить склянки».

В знак же того, что ерусланцы в морском деле отнюдь не новички, а наоборот, его основоположники, висела на самом видном месте источенная червями кормовая доска от древнего корабля. На доске какой-то давным-давно сгинувший мореплаватель начертал бронзовым кинжалом вирши, и просвещённые посетители кружала вирши сии сумели даже прочесть:

Плыли аргонавты,

Вёслами гребли.

Сциллу и Харибду

Последняя строчка переводу никак не поддавалась, поэтому местные знатоки подписали рядом с ней множество своих толкований:

...В сердце сберегли!

...Приближали как могли!.

...Сиренам предпочли!.

...В дар царю везли!

...В ступе истолкли!

...В жертву обрекли!

...Видели вдали!

...Умело обошли!

...В тесте запекли!

...Розгами секли!

...Заживо сожгли!

...К слову приплели!

...Беспечно не учли!

...Люлюшеньки люли!

Тут, правда, кончилась стенка и начался пол, сиречь палуба, а ползать по грязным доскам, разбирая чужие каракули, – последнее дело.

Весёлая компания уместилась за любимым столом, только панам осталось с краешку одно место, но Яцек Тремба с удовольствием уселся на колени Недашковскому. С девками им не везло, а друг с дружкою – вполне. На это смотрели сквозь пальцы: что взять с еретиков.

Зато сильно везло с девками Луке нашему Радищеву. Больше всего на свете любил красавец-дворянин две вещи: девок и свободу, да всё никак не мог между ними выбрать, не решался, отчего и прослыл (до нынешнего дня, как мы увидим) скромником и тихоней.

Вообще-то в кружале «У семи нянек», в подражание морским порядкам, девок никаких не было. Поэтому после гульбы те, кто в состоянии был ещё передвигаться, ковыляли в другое заведение, к матушке Венерее. Но оттуда студентов, как правило, выносили на пинках, потому что являлись они туда уже

без денег, а кое-кто и без штанов. Исключение делалось только для красавца Луки и арапа Тиритомбы.

Но Лука, взойдя в светёлку избранной им девки, немедленно начинал томиться и мечтать о свободе, доходя до почти крамольных речей. Мечтами этими он делился с подругой и мирно засыпал под свои же речи и девкин храп. Арап же Тиритомба был куда как хитрее: прочитав для порядку свежую виршу, он, дико вращая глазами, бросался в амурное сражение, победоносно длившееся до самого утра.

...Платил за всех, как обычно, Лука. Деньги ему папенька посылал, сколько мог, а мог он немного: принадлежащая Радищевым деревенька Кучердаевка была захудалой, земля – супесчаной, немец-управляющий – вороватым. Но молодой дворянин и в городе никакой работой не гнушался – дрова по дворам колол, возы на базаре разгружал, колодцы копал. Так он чувствовал себя ближе к народу, о свободе которого постоянно думал. А ещё он думал о той, что составила бы для него идеал для обожания.

Целовальник по прозвищу Морган (моргал он непрерывно, но следил за всем строго) со вздохом потряс на ладони жалкие медяки, нехотя велел подать на стол пару скляниц – одну с ромом, другую с джином. Почувствовать разницу между этими двумя напитками можно было только великому знатоку.

– Первая чарка – за батюшку-царя Патифона Финадеича! – хором воскликнули паны-ляхи: во время Восточного Галса они становились патриотами тошней любого ерусланца.

...Покуда морской напиток, выгнанный из гороховой браги, льётся в молодые и голодные желудки, стоит сказать несколько слов и про Патифона Финадеича и объяснить, откуда взялись Галсы.

Молодой царевич Патифон, рано осиротев (не без помощи нескольких верных друзей), возмечтал сделать Еруслань великой морской державой на гишпанский либо аглицкий манер. Нарядившись простым Великим князем, он поехал в город Бристоль, но не доплыл туда по причине лютой морской болезни и вынужден был остаться на континенте. Тогда он накупил на все деньги книг по морскому вопросу, воротился домой и начал их изучать.

Познав корабельное дело, солнечную и лунную навигацию и основы каботажного плавания, он решил перейти к делу, прокопав до ближайшего моря канал, чтобы Солнцедар стал портом ста пятнадцати морей. Тем более что половина работы была уже сделана: глиняный карьер, вырытый ещё во времена Жмурика-Строителя, был сам по себе уже вполне готовой гаванью. Могила предка при этом должна была уйти под воду.

Бояре ворчали, что Еруслань не потянет столь дерзкий замысел: не хватит ни сил, ни людей. Не лучше ли жить, говорили они, как пустынные арапские владыки – лошадей заменить верблюдами (верблюда же недаром зовут кораблём пустыни), устремиться на Восток, навсегда отвернувшись от западных еретиков. Церковь поддерживала это дело, но с оговоркой: чур, не обасурманиться бы.

Надев на себя костюм аглицкого морского капитана, Патифон Финадеич вышел из дворца и широким шагом двинулся в сторону карьера, помавая в воздухе тяжёлой капитанской тростью. При малом росте ноги у государя росли, казалось, от ушей, поэтому бояре за ним еле поспевали.

На беду, день, избранный царём для закладки порта (он уже и название придумал – Патифон-Харбор), пришёлся на пятницу, и накануне, естественно, прошёл обильный дождичек – как полагалось по календарю.

Глина размокла, и в ней безвозвратно застрял роскошный капитанский левый ботфорт. Это произошло как раз в тот миг, когда царь изящным движением трости стряхивал с него воображаемую морскую пену.

Второй ботфорт удалось спасти – бояре оттащили Патифона к сухому месту, где он, как цапля болотная, униженно стоял на одной ноге, покуда слуги не принесли ему из дворца валенок, укреплённый кожаной калошей. Капитанские сапоги с отворотами были единственными в Еруслании.

Бояре сразу же загалдели, что потеря ботфорта – плохая примета, что не видать нам моря, как своих ушей, что лучше бы государь сразу их послушал и мечту свою вовремя похерил...

Но великие люди потому и великие, что никогда не херят своих мечт.

Сперва государь распалился царственным гневом и велел боярам тесать острые колы, чтобы потом добровольно на них усесться. Слуги тут же притащили нетолстые брёвнышки и топорики для их заострения. Бояре, кряхтя, принялись тесать концы брёвнышек, но начали внезапно поглядывать друг на дружку и на царя так уж нехорошо, так уж скверно подмигивать, что на Патифона Финадеича, стоявшего в непарной обуви, снизошло озарение. С перепугу, понятное дело.

– Стойте, соратники! – воскликнул он. – Сие есть великий омен судьбы, сиречь предзнаменование! Путь наш лежит не на Запад, куда указывает ботфорт, но и не на Восток, куда устремлён валенок. Путь у нас будет свой, и торить его мы станем как раз посередине, промежду ботфортом и валенком!

Бояре прикинули, что располагается у государя промежду ботфортом и валенком, и глубоко призадумались. Царь нередко посылал их в указанном направлении, но то было лишь в иносказательном смысле...

– Государство наше суть могучий корабль в океане мировой истории, – горячо продолжал Патифон Финадеич. Личико его покраснелось, усики встопорщились, голосок зазвенел: – А я – кораблю тому капитан. Но хороший капитан не ждёт попутного ветра. Он приказывает идти то левым, то правым галсом. То западным, то восточным. И доводит судно в гавань своей мечты. А по-простому – будем мы склоняться то к ватиканам-еретиканам, то к безбожным басурманам, сохраняя при том свой путь и свою веру...

– Хитро! – восхитились бояре, кивая бородами. Так и стали жить, метаясь из стороны в сторону. При Левом Галсе государь начинал привечать ватиканских легатов, посылал подарки Римскому Кесарю, допускал изучение еретических книг, чем Ватикан широко пользовался. Жёнам ерусланским не только позволяли останавливать коней на скаку, но и управлять повозками. А посланников султана Абдул-Семита держали в чёрном теле и прикрывали торговлю с Азией. Бояр при этом насильственно брили.

Во время Правого Галса бороды у бояр насильственно же отращивали, в чёрное тело перемещали уже западных послов, заламывали неслыханные пошлины на европейских таможах, соскребали со стен наклеенные гравюры с изображением Богородца, не рисковали щеголять заморскими словечками, носили шальвары, чаще обычного лупили жён, кутавшихся уже не в валансьенские кружева, но в пёстрые персидские шали. Вожжи у жён,

разумеется, отбирали.

Но между первой и второй чаркой не принято делать длительной паузы, поэтому арап Тиритомба предложил выпить за торжество разума. Каким образом разум может восторжествовать в тяжёлых условиях кружала, никто не знал, но здравицу поддержали.

Не успела ещё жгучая влага ударить по молодым мозгам, как дверь в кружало отворилась и вошёл монах-богодул с большой гремящей кружкой с надписью «На поиски бога истинного».

Да, помнили ведь ерусланцы, что должны быть помимо церквей и монастыри с отдельным общежитием, но вот что должны были делать их обитатели и обитательницы, никто не знал. А чтобы не бездельничали отрёкшиеся от мирской жизни, их посылали в бесконечное странствие – бога искать. Потому и звали их в народе богоискателями, или, проще, богодулами.

– Стяжание церковное есть стяжание божье! – провозгласил богодул первым делом (вот уж об этом Ерусланская церковь крепко помнила).

Все замолчали, уныло поставив чарки на место. Встретить богодула было дурной приметой – будет ныть, покуда последние деньги не вытянет.

Монах занялся своим привычным делом – пошёл по кружалу, заглядывая под столы и лавки, ловко запускал свою тощую лапку в такие же тощие кошели посетителей, обшаривал карманы.

– Тут несть, – пожаловался он и горестно затряс бородёнкой. Потом пошёл к хозяину, но тот грудью пал на денежный ящик и подсунул богодулу склянку с ромом. Богодул единым духом выдул ром (оттого-то и прозвали их братию богодулами), вытряхнул последние капли на пол и даже рукой в донышко поколотил.

– И тут несть, – вздохнул монах и направился на кухню.

Там что-то загремело, зазвенело, раздался возмущённый вопль кухаря:

– Да откуда же он в квашне-то возьмётся?

– А отчего же тогда тесто пузырится? – возразил дотошный монах. – Кто пузыри пускает?

Потом было слышно, как забрякали в кружке монеты – кухарь предпочёл откупиться, чтобы не допустить разорения своего хозяйства.

Монах вышел из кухни, обгладывая куриную ногу.

– Без бога живёте, – традиционно упрекнул он всех собравшихся и направился было к выходу, но хозяин ухватил его за рукав рясы.

– Ты бы хоть совесть поимел, – сказал Морган и заморгал ещё чаще обычного. – За выпитое, за съеденное, за выпрошенное. Взял бы да помолился за усопших наших...

Бога в Еруслании пока не нашли, а вот чертей – сколько хочешь. Потому что если кто в чертей не верит, тот и бога сроду не найдёт.

Да и как не верить в чертей? Кто же тогда людям пакостит, хорошей жизни не даёт? Тем более что чертей этих, нечистых диаволов, многие даже видели самолично, на столе, можно сказать, ловили, с тела обирали, а вот до бога никто ещё не допивался.

И, понятное дело, после смерти люди непременно шли к чертям, причём ко всем сразу.

Людям жалко было своих близких, угодивших в пекло. Вот они и просили попов и монахов молиться за них. А поскольку правильно молиться никто не умел, то и молитвы были самодельные. Вот когда обретут странники в чёрных рясах правильного бога, тогда и молитвы будут правильные.

Ром, видать, растрогал монаха, и он затянул нараспев:

– Черти вы черти, черти полосатые, волосатые, бесы хохлатые, хамоватые, демоны чреватые, щербатые, диаволы сохатые, мохнатые, сатаны рогатые,

суковатые, вы помилуйте усопших наших, не тычьте в них вилами, ножами, когтями, зонтами, каблуками, не терзайте клопами, шмелями, комарами, не рубите колунами, топорами, мечами, не цепляйте крюками, не режьте ломтями, не палите огоньками, не будьте палачами, погасите пламя под котлами, передохните, усните на многие годы, уплывите в глубокие воды, дайте себе роздыху-свободы... Ну, всё, – добавил он, словно бы прислушиваясь к незримой преисподней. – Вроде бы угомонились... До вечера... А вечерком я ещё разок забегу, на всю ноченьку их замолю...

Моргана от этих слов перекосило, а богодул, чуть заметно пошатываясь, уверенно попал в дверь и направился куда-то – или в богатый купеческий дом, или в другое питейное заведение...

Вдруг да обретёт искомое?

Глава 4

После такой молитвы студенты заметно приуныли, и даже призыв неугомонного Тиритомбы выпить во здравие всех милых дам не возымел действия: выпили не чокаясь, как на поминках.

Задумывались.

В Академии думать-то навряд ли научишься, а вот задумываться – это да. И то человеку польза.

Да тут ещё обнаружилось, что богодул оставил всю честную компанию без гроша.

– В долг не поверю, – поспешно заявил Морган. – Я на вас и так, почитай, разоряюсь. Оставьте все деньги у девок, а потом и начинаете: Морган, Морган... А меня вовсе и не Морган зовут, Морганом меня только кличут, а от родителей я – Сенофонд Пятеримыч...

– Ну, Сенофонд Пятеримыч, ну, миленький... – застонали студенты.

– Не дождётеся, – сказал жестокий хозяин.

– Тогда придётся опять трясти панычей, – вздохнул тощий арап.

Ляхи, почуяв неладное, наладились бежать, но в них вцепился добрый десяток рук. Трясти, как всегда, пришлось силачу Луке. Он взял в каждый кулак по панычу, перевернул их кверху дном, отчего обнажились их короткие кривые ножки, затянутые в лиловые чулки.

– Кардиналами будут, – похвалил еретиков Лука и начал трясти.

Звенеть монеты где-то звенели, а сыпаться на пол не сыпались.

– Что за притча? – удивился Лука и хотел было поставить потрясённых панычей обратно на ноги, но Грышко Половынка вовремя его остановил:

– Та воны гроши у роте завжды ховають! Бережись, шобы не сковталы!

– А, так вот почему они всё помалкивали! – возмутился такому коварству Лука и легонько столкнул Яцека и Недослава головами.

Потом ещё разок.

Потом посыпались и денежки, да не медные, а серебряные, с гордым профилем Кесаря-Искупителя.

Пристыженные панычи, угрюмо друг на друга поглядывая, вернулись на своё место, причём умудрились уместиться рядом.

– То ж не гроши, – проникновенно сказал Тремба. – То слёзы наши. То стипендия ватиканская...

– Ласковое теля двух свиноматок сосёт, – заметил арап Тиритомба.

– И не подавится, – добавил Хворимир Супница.

– Теперь и на закуску хватит! – воодушевился Куприян Волобуев.

Хватило и на закуску. Обрадованный Морган, самолично подавая на стол, ещё и оправдывался, что рыбный пирог не пышен: проклятый богодул не дал тесту подняться как следует.

И начали молодые люди поглощать ром, с джином смешанный, и заедать его пирогом, кидая Рыбьи кости в скупердяя-Моргана. Подумаешь тоже, Сенофонд Пятиримович какой нашёлся!

Панычи, рыдая, норовили наполнять себе чарки всклень и сильно частили, поскольку пили-то на свои кровные.

Разгорячённый и безудержный арап звонко запел крамольную латинскую песню – опять-таки им же переложенную на родной ерусланскии. Своего арапского он не помнил: Патифон Финадеич младенцем выиграл чёрного сироту у заморского шкипера в очко.

Пейте тут. пейте тут.

В радости и в горе.

В пекле рому не дадут —

Здесь мы выпьем море!

Юность быстро пролетит,

Заведётся простатит

И другие хвори...

И другие хвори...

В благополучии человек сам себя забывает. Но его быстро уняли – не тот нынче Галс, чтобы такие песни горланить. Затянули свою, местную, грустную, ан и та на крамолу под конец поворотила:

Над страной моей родною

Солнце всходит и заходит.

Я не знаю, что со мною.

Только что-то происходит.

Дайте волю остолопу —

В пропасть бросит он Эзопа.

Хоть похоже на Европу,

Только всё же не Европа.

Девки спорили на даче

О фасонах, не иначе —

Хоть похоже на Версаче.

Только всё же не Версаче.

Сразу станет сердцу больно,

Как подумаешь невольно:

Хоть похож возок на «Вольво»,

Только всё же он не «Вольво».

Светит месяц, но не греет,

Потому что не умеет.

Ну а если и умеет,

Так тепла для нас жалеет...

Скажешь слово в укоризну —

Превратится праздник в тризну.

Хоть похоже на Отчизну —

Только больше на Молчизну...

Последние слова пели шёпотом, потому что Морган, по слухам, был известный доносчик.

Верно сказал немецкий мудрец: «Звуки печали и тоски односложны и пронзительны»...

Вот и за столом стало печально и тоскливо. Ни ром, ни джин уже не радовали юные сердца, а лишь усугубляли мрачность.

И вдруг Лука Радищев, как допрежь, на занятиях, грохнул по столу кулаком так, что пробили все склянки.

– Я знаю, что делать! И знаю, кто виноват! И знаю, какой счёт предъявим мы человечеству! Никуда наша Еруслания таким образом не придёт, не видать ей светлой гавани! Не Галсами мы движемся, а стоим на одном месте раскорякою, с ноги на ногу переминаясь! Что вчера разрешалось – нынче запрещается. Что вчера запрещалось – нынче разрешается. Так самый светлый ум за самый острый разум зайдёт. Отупеем мы, как наставники наши, от такой жизни! Что нас ждёт, кроме прозябания?

– Так, пан Лука, так! – обрадовался Яцек Тремба. – Только под крылом мудрого Кесаря обретем мы и свободу подлинную, и знание истинное! Бежать надо в Рим, к Папиной гробнице устами приложиться, Кесарю поклониться, Внука Святого приобщиться!

– Шиш тебе! – вскричал Лука. – Чтобы Ватикан над нами взял власть, инквизицию свою учредил, словно нам своих палачей мало? Нет, не побежим мы никуда с родной земли, а уйдём в суровые тёмные леса и сделаемся там разбойниками! Только мы будем правильные разбойники, с благородными намерениями, народные мстители, угнетателей гонители, свободы Ерусланской родители!

Пьяный кто же в разбойники не готов? Не бывает таких людей. Хитрые паньчи тотчас же подхватили:

– До лясу! До лясу, Панове!

– Но сперва всё допьём, чтобы обиды у Моргана не осталось! – заметил рачительный Куприян Волобуев.

И они допили всё, и повторили, и пошли в разбойники. Правда, в дверь они при этом вписывались плохо – посшибали все косяки.

Глава 5

Про разбойников написано, пишется и будет ещё написано так много, что аж противно.

Простой, честный, тихий человек никому не интересен. Как он там пашет землю, выращивает пшеницу и репу, торгует, рискуя разориться, столярничает, плотничает, ловит рыбу, отливают колокола, шьёт одежду, охотится, грибы собирает – никому нет дела.

Зато про того, кто силой забирает себе все плоды скучного повседневного труда, и песни слагают, и баллады, и былины, и эпосы. Ну и книжки, конечно, сочиняют.

Слушатель или читатель всегда мнит поставить себя на место разбойника, а не жертвы. Ему от этого вроде бы становится легче. Вроде бы на какое-то мгновение в жизни устанавливается справедливость.

Сильные мира сего тоже любят послушать, почитать про разбойников, поскольку сами же из этого сословия и выходят. Все цари-короли, графы и князья, бароны и баронеты в своё время промышляли на сём поприще. Или пращуров их.

Но настоящих молодцев с большой дороги при этом власти земные нещадно преследуют и казнят, чтобы не вздумали занять их, сильных и могучих, законно завоёванное место.

Только всё равно песни в народе слагаются не про лютого воеводу, который с великим трудом, жизнью подчас рискуя, изловил и заточил злодея, а про этого самого злодея – как сидит он в сырой темнице на ржавой цепи и тоскует, и требует: отворите, мол, мне темницу, приведите верного коня и красную девицу для полного счастья...

Может, ему ещё и адвоката в камеру?

К счастью, в Еруслании адвокатов покуда не было, зато уж разбойники водились в неописуемом количестве. Такие трудные годы-недороды случались, что в леса с топором уходила чуть не добрая половина мужского населения, и государи еРусланские изнемогали в борьбе с ними.

Чего стоил, к примеру, один Орден Поджидаев, нарваться на которых можно было в любом укромном месте. «Да пребудет с тобой моя сила, а со мной – твоё добро!» – так приветствовали Поджидай ограбляемых и отбирали всё их добро. Чаще всего добром, а не силой. Никто и не пытался сопротивляться – столь страшные слухи о своих бойцовских качествах распространяли о себе Поджидай. Они якобы могли одним движением ладони остановить любого противника и в любом количестве, бегать по стенам и потолкам, как тараканы, взлетать на верхушки деревьев и корчевать эти деревья даже мизинным пальцем. Сказочникам и песельникам Поджидай хорошо платили за воспевание своей дурной славы.

Может, из Поджидаев и новая династия бы сложилась, повергнув Жмуриковичей, кабы не отец нынешнего государя, Финадей Колизеич. Тот не верил никому и ничему в жизни, и даже Патифона долго отказывался признать собственным сыном – мол, мало ли косых! А когда впоследствии признал всё-таки, то жестоко поплатился, но это позже.

Не поверил он и песням с легендами. Финадей воспользовался передышкой между внешними войнами и все свои войска разместил на постой по деревням и городкам. Насидевшись в чашобе голодом, Поджидай глубокой осенью добровольно вышли из леса, поскольку у них кончились даже грибы.

Оказались они на поверку довольно-таки лядащими мужичками, которые ладонями только слабенько отпихивались от воинов, а уж взлететь на дерево и не мечтали. Они и на виселицы-то взлетали с чужой помощью.

На двойной реке Потудани-Посюдани промышлял лихой Степан Разиня. Прозвище своё он получил за то, что по пьяному делу проворонил пленную персидскую княжну, за которую рассчитывал получить неслыханный выкуп. Княжна оказалась умелой пловчихой, доплыла до берега и показала речным разбойникам, задрав юбки, свои прекрасные бёдра самым оскорбительным образом. Люди Степана, обидевшись, мало того, что нарекли своего атамана Разиней, так ещё и выдали его властям для последующего расчленения.

В степях гулял до пары Емелька Пугач. Он придумал такое оружие, которое стреляло оглушительно, но вреда никому не приносило, ибо заряжалось деревянной пробкой. Эта хитрость действовала, но до поры. Надо ли говорить, что Емельку тоже выдали свои же.

Но после смерти Финадея Колизеича, якобы поперхнувшегося рыбьей костью, лихие люди почувствовали слабость власти. Тем более что молодой государь подался на Запад за морской наукой.

Так ведь и в Европе тоже разбойников уважали! Тем более что у них имена-то были какие звучные – Ринальдо Ринальдини, Картуш, Лаки Лючано, Голландец Шульц, Марат, Робеспьер, Лоренцо Берья! Опять же Морган либо Флинт.

Воротившийся Патифон долгое время за разбойников не брался всерьёз. Он хотел из них сделать морских пиратов, а добычу (приз по-морскому) обложить налогом. И присвоить каждому атаману шикарное иноземное прозвище. А то что за дела – Филька Брыластый да Афонька Киластый! Как такими гордиться, перед кем хвастаться?

Он подсылал в леса своих людей с уговорами и подарками. Подарки злодеями охотно принимались, а царские посланцы возвращались в чём мать родила и докладывали, что Филька либо Афонька в море не пойдут, поскольку силу им даёт только родная земля ерусланская, что чужих и непонятных прозвищ воздвигать на себя не желают, а то люди смеяться будут и бояться перестанут (действительно, назовись ерусланец тем же Капитаном Бладом – как такое прозвище народ переосмыслит?), и что вообще всякий разбойник в тёмном лесу сам себе царь. Речные же злодеи моря попросту боялись, так как знали, сколь коварна стихия водная, а уж про санитарную книжку моряка и слушать отказывались.

Патифон Финадеич вздохнул, проклял разбойничью темноту и вернулся к отцовским заветам – правда, с меньшим успехом. Но лиходеев помаленьку всё же отлавливали и даже не казнили – отправляли копать канал до Ближайшего моря. Тёмные леса стали надёжным, хоть и скудным, источником рабочей силы.

...А новоявленные разбойники, ведомые Лукой Радищевым, шли-шли в сторону леса, куда хмель не свалил их у опушки.

– Ну что, братцы – воротимся да повинимся отцу ректору? – спросил Куприян Волобуев, продрал глаза.

Утро было раннее, отчего лес казался особенно тёмным и неуютным даже по сравнению с общежитием.

– Вы как хотите, – сказал Лука, – а я возвращаться не намерен. Благородный муж два раза не решает.

– Да куда же ж нам возвращаться? – всплеснул белыми ручками Яцек Тремба. – Мы же ж по дороге до лясу такого натворили!

– Какого? – испугался Волобуев.

Панычи, перебивая друг друга, стали перечислять безобразия, учинённые начинающей шайкой с благородными намерениями в прошедшую ночь: сожгли в предместье два дома вместе с хозяевами, надругались над семьёю пожилыми богодулками, обчистили церковь (два сундука добра унесли оттуда), разоружили караул ночной стражи, написали на городских воротах дёгтем матерное слово против царя...

Лука стал мучительно припоминать совершённые в первую же ночь преступления, но припомнить никак не мог. Он точно знал, что панычи от жадности были вчера пьянее всех остальных; откуда же им помнить хотя бы тятю и маму? Да и Дёгтем ни от кого не пахло...

– А де ж хабар? – спросил Грыцько Поло-вынка.

– Так пан атаман сказал, что будет на карауле сидеть, а нам спать велел! – сказал Недослав Недашковский. – Хабар тут лежал, я, помнится, в меховой шубе уснул... Где та шуба?

– Где наше добро, братушка атаман?! – вскричали Редко Редич и Хворимир Супница.

– Даже скляночки не осталось... – жалобно молвил арап Тиритомба. Он был почему-то не чёрный, а какой-то сероватый.

Тут Лука понял, что паньчи нагло врут. Записных лжецов в Еруслании обычно осаживали доподлинными словами из Священного Писания (ох, мало, мало что помнилось). Слова были такие: «Савл, Савл, что ты гонишь?», но кто был этот самый Савл и кто упрекал его – того и самые учёные отцы-академики не ведали.

Лука этих слов говорить не стал. Ему не хотелось идти в лес одному и в одиночку же благородно разбойничать. Понятно было, что коварные паньчи что-то задумали (например, сами возжелали стать атаманами), но разоблачить их всегда найдётся время. Потом, когда прочно обоснуются в делях, кто-нибудь сходит в город и проверит... Хотя что там проверять: будь это правда, за ними давно бы наладили погоню и взяли тёпленькими...

– Простите, братцы, уснул! – склонил он повинную голову. – А мимо шли, видно, настоящие разбойники, лишённые благородства, да ограбили нас во сне! Ужо мы найдём этих мерзавцев! Ну да не беда! Ещё наживём!

– С нашим атаманом не приходится тужить! – многозначительно сказал Яцек Тремба и обвёл всю компанию внезапно погрознавшими очами.

Возражающих не нашлось.

Глава 6

На самом деле жизнь лесного разбойника нелегка и неинтересна, поскольку он такой же труженик, как и те, кого он грабит.

Особенно трудна жизнь неопытного разбойника, да ещё с уклоном в благородство.

Кое-как отыскали маленькую заброшенную лесную сторожку. Никакого дела бывшие студенты не знали, поэтому пришлось Луке самому и щели конопатить, и крышу перекрывать, и дрова рубить, и силки на рябчиков ставить, и щи варить, и в сторожке прибираться, и рванину штопать, чего никакой уважающий себя атаман делать не будет.

Самое главное – оружия не было. Так, пара ножей, топор да бурав, что от прежнего хозяина остались.

А самое страшное – что в лесу было полным-полно настоящих, матёрых разбойников, которых возглавляли настоящие атаманы. Поэтому жили тихо, печку топили только по ночам, чтобы не видно было дыма.

– Скоро лапти плести начнём, – ворчал Куприян Волобуев, глядя на прохудившийся сапог.

Но у новичков есть и своё преимущество – удача. И пришла она в тот миг, когда все уже отчаялись, а на счёту у шайки числился один-единственный грабёж – ехал в город пьяненький возница, вёз сено да несколько мешков овса. На него и напали, да так, что возница ничего и не заметил. Ни телегу, ни клячу брать себе не стали – вдруг скотина заржёт, когда не надо, и тем выдаст разбойничий стан?

Нападение произвели панычи, и Лука сильно Разгневался:

– Опозорили на всю державу! А если бы дедушка телегу навозом загрузил? Его бы тоже взяли?

Панычи пали в ноги атаману:

– Пшепрашем, пан Лука! Ностра кульпа! Ностра максима кульпа! Так мы её, кульпу ностру, искупим!

И с этими словами устремились вон из леса.

– Выдадут, – равнодушно заметил Куприян Волобуев.

– Побоятся, – сказал Лука, но с большим сомнением.

Прошёл день, другой, третий... Искупители не возвращались.

Разбойничью шайку стал долить голод. Здоровым молодым парням да каждый день лопать пустую овсянку стало тошно. И когда на поляну перед сторожкой выбежал здоровенный кабан-секач, Грыцько Половынка не выдержал:

– Сало, сало пришло! Трымай його! – заорал он и бросился на кабана с голыми руками.

Вид у Грыцька был, видно, такой свирепый, что кабан струсил и рванул назад в лесные дебри. Грыцько полетел следом.

– Выдавать побежал, – спокойно определил Волобуев.

– Побойтся, – сказал атаман, но сомнения в его голосе прибавилось.

Ещё три дня продержались на голой овсянке и двух рябчиках, попавшихся в силки по большой птичьей глупости.

На четвёртый день Грыцько Половынка выбрел к разбойничьему стану и, пошатываясь, швырнул с плеч на траву тушу секача.

– Так отожд! – сказал он и упал рядом с добычей.

Кабана слопали без соли, поскольку соли взять никто не догадался. Потому и заготовить мясо наперёд, и употреблять помаленьку не удалось. От пережору долго маялись животами, все кусты запакостили.

– Нас ведь тёпленькими теперь взять могут! – сказал Куприян Волобуев.

– Однако ж не берут! – хладнокровно отвечивал атаман.

Только через две недели воротились Яцек Тремба и Недослав Недашковский. И не с пустыми руками.

Они привели в поводу двух отличных коней, запряжённых в телеги. Одна из телег была нагружена не осточертевшим овсом, но разнообразной деревенской пищей: свинными окороками, ковригами хлеба, бочонками с квашеной капустой, клюквой, доброй брагой. Были тут и мука, и соль, и прочие дары щедрой земли ерусланской.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/uspenskiy_mihail/nevinnaya-devushka-s-meshkom-zolota

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)